

Вольтер — Lurkmore

«Явился ты в Ферней — и циник поседелый,

Умов и моды вождь пронырливый и смелый, Своё владычество на Севере любя, Могильным голосом приветствовал тебя. С тобой весёлости он расточал избыток, Ты лесть его вкусил, земных богов напиток.

»

'Пушкин— . К вельможе

Вольтёр (aka «Фернейский патриарх»; фр. *Voltaire*; 1694—1778) — поэт, пейзаель, философ, энциклопедист, а также величайший тролль и просветитель Франции. Один из идеологов Великой французской революции.

Дурак в стихах

«Я знал только латынь и глупости. »

— сабж о колледже

Когда будущего насмешника и вольнодумца извлекли из материнского чрева, то повитуха, увидев, что малыш не подаёт признаков жизни, сочла его мертворождённым и, не мудрствуя лукаво, положила свежеепечённую человеческую личинку на стул в углу комнаты, а сама с подружкой занялась матерью. В это время в плохо освещённую комнату зашёл дед младенца, на ощупь добрался до стула и сел на него. ВНЕЗАПНО старый пердун услышал слабый звук, похожий на свист воздуха, раздававшийся прямо из-под жопы. WTF? Оно дышит? Оно живое!? Так и вышло. Этот едва различимый звук, вырвавшийся из крохотной груди младенца, был его первым голосом протеста против тех, кто наседали на него. С каждым годом этот голос будет становиться всё слышнее, всё мощнее... ну а пока кормилица ещё долго, каждую ночь, со слезами на глазах будет сообщать родителям, что вряд ли мальчик доживёт до утра...

Франсуа-Мари Аруэ — так нарекли ребёнка — уже с юных лет отличался поэтическим даром и вообще считался одним из лучших учеников иезуитского колледжа Людовика Великого. Но его чуть было не отчислили за чтение вольнодумных сочинений и сомнения в истинах христианства. А пристрастил подростка к вольнодумству его крёстный отец — аббат де Шатонеф, убеждёнейший либертен. Вместо того чтобы наставлять крестника в основах христианства, он читал ещё трёхлетнему Франсуа сатирические поэмы и вольнодумные стихи, которые мелкий засранец заучивал наизусть. Под их влиянием у Франсуа и проявилась любовь к поэзии.

Перед угрозой отчисления парень мигом «превратился» в одного из самых набожных учеников, в результате чего спокойно доучился. После колледжа практически мыслящий батя Франсуа толкнул его в коллегию адвокатов, намереваясь сделать из своего чада юриста. Но вьюнош всерьёз решил заняться литературной деятельностью. Его старший брат к тому времени увлёкся богословием и писал религиозные трактаты. Папаша Аруэ, мечтавший видеть своих отпрысков юристами, в сердцах констатировал: «Я вырастил двух дураков. Один дурак в прозе, а другой — в стихах».

Отсидки в Бастилии

Решив, что работать на дядю не комильфо, юный Франсуа выбрал счастливую распиздяйскую жизнь фрилансера, обитая во дворцах аристократов-вольнодумцев в качестве поэта-нахлебника. В то время Францией правил регент Филипп Орлеанский — племянник Короля-Солнца, обожавший устраивать пышные оргии при дворе. Ходили слухи, что во время одной из таких регент напоил и трахнул родную дочурку.

Франсуа-Мари Аруэ откликнулся на это великое событие сатирическим стихотворением «Царствующий ребёнок», недвусмысленно намекавшим на тёплые родственные отношения в августейшей семейке. Регент отреагировал весьма достойно и однажды, увидев Франсуа на прогулке, подозвал его к себе и сказал:

— Господин Аруэ, я намерен показать вам нечто такое, чего вы ещё никогда не

Язвительная усмешка — неперенный атрибут всех дошедших до нас изображений Вольтера

видели.

— Что? — Бастилию! — Ваше Высочество, я отношусь к ней так, как будто я уже видел её...

Вольтер в Бастилии за написанием поэмы «Генриада»

Незадачливого стихоплёта увезли на [пативэне](#) в [Бастилию](#), где он провёл почти год, упорно продолжая заниматься бумагомаранием. После УДО состоялась постановка его трагедии „Эдип“, которую [аффтар](#) впервые подписал ником „де Вольтер“. Трагедия имела оглушительный успех, и критики объявили его достойным преемником Корнеля и Расина.

Герцог Орлеанский был, в общем-то, незлопамятным человеком, а потому пригласил автора „Эдипа“ на аудиенцию. Он долго не показывался, и бывший узник королевской тюрьмы, пребывая в тягостном ожидании, смотрел в окно. Стояла мерзкая погода, шёл мокрый снег, кругом — слякоть, и Вольтер, глядя на всё это, заметил вслух: „Можно подумать, что на небе тоже учреждено регентство“.

Придворные рассмеялись, герцог, услышав смех, наконец сообразовал выйти к Вольтеру, и между ними произошёл такой разговор.

— Ведите себя должным образом, — снисходительно посоветовал регент, — а я должным образом позабочусь о вас.

— Буду бесконечно рад и признателен вашему высочеству, — отвечал Вольтер, — но об одном умоляю: не заботьтесь о моём жилище^[1]!

Регент обещал подыскать Вольтеру при дворе какую-нибудь значительную должность. Через некоторое время тот вежливо напомнил о посуле. Герцог, которого сопровождали при этой встрече четыре министра, со смехом отозвался:

— Я не забыл о тебе — ты будешь ведать департаментом придворных шутов.

— Что вы, ваше высочество! — ответил Вольтер. — Там у меня будет слишком много конкурентов. Четырёх я уже вижу.

Как придумать клёвый ник

- 1) Берём фамилию «Аруэ-младший»,
- 2) Пишем её на [латыни](#) как „AROVETLI“, 3) Составляем анаграмму (*спойлер*: VOLTAIRE),
- 4) ?????? 5) [PROFIT!](#)

[Бастилия - из фильма "Простодушный" Евгения Гинзбурга](#)

Бастильский шансон. Отечественный мюзикл по опусу сабжа «Простодушный»

Благодаря дерзкому языку и манере держаться независимо живой и остроумный Вольтер [привлекал всеобщее внимание](#), что вызывало [лютое, бешеное](#) негодование [благородных донов](#). Из-за словесной перепалки с одним из них, кавалером де Роганом, Вольтер словил неиллюзорных [пиздюлей](#). Однажды, когда он обедал у герцога Сюлли, три лакея Рогана вызвали его на крыльцо и измордовали палками, причём Роган, наблюдая из кареты за экзекуцией, изредка приговаривал: „Не бейте его по голове! Из неё ещё может выйти что-нибудь путное!“ Фалломорфировавший Вольтер кое-как вырвался из рук лакеев, бросился к Сюлли и попросил его пойти с ним в [полицию](#). Тот отказался: подумаешь — аристократ избил поэта... У Вольтера [бомбануло](#), он послал Рогану вызов на дуэль и стал спешно брать уроки фехтования. Роган принял вызов, но одновременно лицемерно известил об этом власти. Поэт отомстил едкой сатирой, после чего бомбануло уже у Рогана. В результате дело приняло такую огласку, что Вольтера снова упекли в Бастилию, от греха подальше. Освободили его только при условии [выезда из страны](#). Вольтер уехал в Англию, где прожил три года, но тайком приезжал в Париж, чтобы [взять и уебать](#) Рогана. Но тому всегда удавалось скрыться, вот же везучий сукин сын!

Вольтер и Фридрих II

«Султан Селим, Вольтер и Фредерик Второй

Смиренно в рамках висели над софой;

»

'Василий Львович Пушкин— . *Опасный сосед*

По возвращении из Англии Вольтер опубликовал „Философские письма“, в которых познакомил соплеменников с философией

Переписка Вольтера и Фридриха II

Король и философ обсуждали в письмах буквально все аспекты жизни — от самых грубых и гротескных до изящных и

„Король-философ“, „северный Соломон“ Фридрих II Великий. По словам Вольтера, каждое утро играл с офицерами в занятую забаву. Король украдкой бросал на пол носовой платок, и поднявший его первым удостоивался особой аудиенции в покоях монарха, удовлетворявшего [пассивной](#) ролью.

Джона Локка, с физикой Ньютона, с английской литературой и театром, а самое главное — открыл для французов Шекспира. „Философские письма“ имели успех, только вот власти были недовольны, [ибо](#) лестный отзыв об английских порядках звучал как осуждение французского режима, его экономической и политической отсталости. [Конец немного предсказуем:](#) „Письма“ публично [сожгли](#), издателю подыскивали чудненькую камеру в Бастилии, аффару же снова пришлось [заводить трактор](#).

Следующие пятнадцать лет Вольтер провёл в замке своей любовницы Эмили дю Шатле, продолжая одаривать мир своими философскими [высерами](#). Как-то раз его назначили придворным поэтом и историографом, но вскоре снова [прогнали](#) из-за [срача](#) с королевской фавориткой маркизой де Помпадур. После этого Вольтер перебрался в Пруссию по приглашению Фридриха II, с которым давно находился в переписке.

возвышенных. Например, Вольтер мог попросить короля прислать ему пилюли доктора Сталя: «Только побольше, прошу Вас, ибо то, что мы имеем здесь, в Париже, — это лишь плохая подделка, они вообще не оказывают никакого действия на мои очерстневшие кишки». На это Фридрих II отвечал: «Вы сошли с ума? Неужели великий Вольтер ещё не утратил веры в этих [шарлатанов-докторов](#)? Позвольте мне сообщить Вам кое-что о пилюлях доктора Сталя. Сам доктор уже умер, а пилюлю на самом деле изготавливает его кучер, и вообще-то с самого начала они предназначались исключительно для лошадей. У нас в Пруссии только девицы, желающие [сделать выкидыш](#) и освободиться от плода, прибегают к такому сильному средству». Вольтер писал в ответ: «Нет, я, конечно, не верю ни в докторов, ни в знахарей. Но когда мне попадаете лекарство, производящее на меня должный эффект, я начинаю в него верить, — не важно, приведет оно к выкидышу или нет».

Сначала их отношения напоминали „медовый месяц“. Вольтеру казалось, что он наконец нашёл не только монарха, но и философа. Фридрих же сознавал, что отыскал философа, который был ещё и королём. Вольтер дал краткую характеристику правлению Фридриха: „Впервые за долгие столетия король управляет без женщин и священников“.

Но постепенно отношения между ними ухудшались. Так, Вольтер не мог переносить казарменно-пунктуального стиля жизни прусского двора, где монарх первый подавал пример превращения быта в часовой механизм. Самым ужасным преступлением здесь считалось опоздание на официальные приёмы, чем Вольтер особенно грешил. По этому поводу рассказывают, что когда однажды он появился в разгар какого-то званого обеда, король молча встал из-за стола и написал мелом на мраморной плите камина: „Вольтер — [первый осёл](#)“. Прочитав написанное, Вольтер дописал внизу: „Фридрих **Второй**“.

В другой раз король предложил Вольтеру прокатиться на лодке. Вольтер, заметив в лодке течь, проворно выскочил на берег.

— О, как вы опасаетесь за свою жизнь! — рассмеялся король. — А я этого совершенно не боюсь.

— Естественно, — ответил Вольтер, — ведь королей на свете немало, а Вольтер — единственный.

Как-то для постановки одной из пьес Вольтеру потребовались статисты, и он попросил выделить ему людей. Промучившись с ними несколько дней, он в сердцах воскликнул: „Отныне, когда я прошу дополнительных людей, присылайте мне людей, а не немцев!“

Однажды к Вольтеру пришёл генерал Манштейн и стал умолять его помочь написать мемуары. Вольтер [красноречивым жестом](#) указал [нахуй](#) на кучу бумаг, лежавшую у него на столе. Это были стихи Фридриха, которые француз пытался превратить во что-то приличное. Вольтер воскликнул: „Неужели вы не видите, что я стираю грязное бельё короля? Приносите своё грязное позже!“

Когда Пруссия завоевала Саксонию, то саксонские облигации обесценились. Фридрих королевским указом постановил, что пруссаки не должны потерять на победе ни гроша, и граждане Пруссии, владельцы облигаций, смогли продавать их по номинальной цене. Вольтер втихую решил организовать маленький [гешефт](#), нашёл одного [еврея](#) и через него вышел на саксонцев, которые за бесценок продали ему облигации. А вольнодумец перепродал их по номиналу. Вскоре и его, и еврея поймали с поличным и обвинили в финансовых махинациях, что жутко [взбесило](#) короля.

Окончательно товарищи разосрались после того, как Вольтер зло [потроллил](#) президента Берлинской Академии наук Мопертюи. После этого француз покинул Пруссию.

О времена! О нравы!

Уезжая, Вольтер прихватил с собой томик уёбищных стихов Фридриха, чисто на всякий случай. Король, узнав об этом, [высрал тонну кирпичей](#) и приказал задержать наглеца и отнять заветную книжицу. Вольтера тормознули в вольном городе Франкфурте, формально не подчинявшемся Пруссии, перерыли весь его багаж, отобрали королевские стихи и награды, да ещё и заставили оплатить проживание в гостинице за всё то время, пока его удерживали в городе.

Вольтер уехал из Франкфурта, кляня всё на свете, но неприятности продолжались. В Париже как раз опубликовали его opus magnum „О нравах“, где о человечестве рассказывал сам человек, для которого все короли, все завоеватели были откровенными разбойниками и укрывателями награбленного добра; для которого самым главным является прогресс, осуществляемый первооткрывателями, учёными, художниками, писателями и поэтами. Такому прогрессу очень мало способствовали папы, священнослужители и военачальники.

Эссе вызвало такое [бурление говн](#), что Вольтер отказался от мысли вернуться в Париж, по крайней мере в ближайшее время. Его собственности угрожала конфискация. Враги Вольтера постарались, чтобы экземпляр эссе с заранее подчёркнутыми фразами попал на глаза Людовику XV. Подчёркивать и правда стоило: уже в первом издании было 174 главы и не меньше 5 томов, так что король рисковал так и не дочитать до крамолы. Тот, прочитав несколько абзацев, испытал [пренебрежительные ощущения пониже спины](#). А королева вообще настолько разгневалась, что немедленно разорвала книгу на части. Церковь также не осталась в стороне, посылая автору [лучи любви](#), ибо по-прежнему имела право [казнить](#) людей за [хульство](#), что периодически и проделывала.

Поэту так и не разрешили вернуться в Париж, поскольку король заявил, что не желает его там видеть. Так великий француз стал изгнанником.

Фернейский патриарх

«Давно Ферней умолк. Приятель твой Вольтер,

Превратности судеб разительный пример, Не успокоившись и в
гробовом жилище, Доныне странствует с кладбища на кладбище.

»

Пушкин— . К вельможе

После коленцев короля-философа у Вольтера на всю оставшуюся жизнь пропала охота посещать монархов, даже самых „просвещённых“, поступать к ним на службу и жить при дворе. В частности, он отклонил приглашение австрийской императрицы Марии-Терезии и решил отныне [жить в уединённом месте](#). В итоге он приобрёл имение Ферне в районе франко-швейцарской границы, где и провёл почти всю оставшуюся жизнь, пейсательствуя и принимая многочисленных гостей.

И лишь незадолго до кончины Вольтеру, уже дряхлому старику, позволили вернуться в Париж. Некогда в Англии он стал свидетелем торжественных, почти королевских похорон Исаака Ньютона, и с тех пор мечтал умереть точно так же, в столице, среди восторженных почитателей. Его появление в Париже и вправду стало настоящим триумфом. Дом, где он остановился, осаждали толпы людей: всем хотелось засвидетельствовать великому поэту своё почтение. У Вольтера болели ноги, распухли лодыжки от бесконечных вставаний со своего кресла и возвращений в него, когда ему приходилось встречать до трёхсот и более гостей в день — и это только тех, которых у входа во дворец выбирали его ближние.

Апофеозом славы Вольтера стала постановка его последней пьесы „Ирина“. В театре, набитом до отказа, стоял невообразимый шум. Некоторые зрители так старались увидеть Вольтера, что их наряды трещали по швам, и потом они с гордостью демонстрировали разорванную одежду как свидетельство своего присутствия на этом необыкновенном представлении. Аплодисменты не стихали даже тогда, когда поднялся занавес и пьеса началась. Из-за такого переполоха актёрам приходилось по несколько раз повторять отдельные строчки, а то и целые сцены. А когда пьеса закончилась и вновь подняли занавес, то все увидели на сцене пьедестал, на котором гордо возвышался бюст Вольтера. Актёры и актрисы выстроились полукругом у памятника, чувствуя публициста не только за „Ирину“, но и за все написанные им пьесы. И бюст, и седую голову Вольтера увенчали лавровым венком.

Позже критики признали „Ирину“ одной из самых слабых пьес Вольтера...

Когда Вольтер [принял истинную веру](#), на его губах всё ещё блуждала лёгкая улыбочка. Даже после смерти он потроллил Церковь. Святошам так и не удалось выудить у него покаяния и отречения от своих сочинений, а значит, ему отказывалось в христианском погребении. Но как только Вольтер скончался, его

Вольтер в
возрасте 70 лет

труп в халате и ночном колпаке усадили в карету и стремглав помчались к аббатству Сельер в Шампани. Приор аббатства совершил похоронный обряд, и тело Вольтера было предано земле. Лишь на следующий день пришёл запрет хоронить Вольтера, но было уже поздно. Так Вольтер в последний раз посмеялся над ненавистой „гадиной“.

Рассказывали, будто перед самой смертью он продиктовал четверостишие, которое в день похорон распространялось в виде листовки:

Покуда был живым, сражаясь до конца,

Учил я разуму невежду и глупца. Но и в загробной тьме, всё тот же, что и всюду, Я тени
исцелять от предрассудков буду.

Русский посол князь Барятинский доносил [Екатерине II](#): „Все попы обнаруживают непристойную радость; они повторяют слова императора [Вителлия](#): труп врага хорошо пахнет; но тому, кого они ненавидели, уже нечего бояться их бессильной злобы, а им остается только трепетать от бешенства над его могилой“.

Спустя 33 дня после Вольтера скончался другой великий просветитель, антагонист „фернейского патриарха“ [Жан-Жак Руссо](#), и поэтому иногда именно 1778 год считается окончанием Эпохи Просвещения, хотя ещё были живы многие философы-просветители, включая основателей „Энциклопедии“ [Дидро](#) и д'Аламбера. [ИЧСХ](#), в годы революции лишь Вольтер и Руссо удостоились чести быть погребёнными в парижском Пантеоне.

Философия Вольтера

«Если интерес к философии в наш век более широк среди народа, чем в любой иной век, то этим мы обязаны не нашим Монтеस्कье, Бюффонам, Дидро, д'Аламберам, сочинениям г-на де Мопертюи, а только г-ну де Вольтеру, который, наполнив философией свои пьесы и все остальные свои произведения, привил публике вкус к философии и научил огромное множество людей понимать её достоинства и искать её в сочинениях других авторов. »

— Фридрих Мельхиор Гримм

[Ташемта](#), у Вольтера не было своей законченной философской системы как таковой. Его и к философам-то можно отнести чисто условно, потому что прежде всего он прославился как талантливый поэт, писатель и драматург. С другой стороны, законченной философской системы не было и у других просветителей XVIII века — Вольтер же, по словам Пушкина, наводнил Париж произведениями, в которых „философия заговорила общепонятным и шутивым языком“. Он осмысливал и просто, ясно и убедительно излагал то, что доселе в умах современников лишь смутно бродило. И лучше него никто не мог разобрать и объяснить самую серьёзную, запутанную и отвлечённую тему.

О материи и душе

Вольтер считал, что материя, кроме основных свойств, может обладать [over9000](#) других, неизвестных нам, в том числе и способностью мыслить. В одном письме он писал: „Кто посмеет сказать, что нельзя предположить возможность мышления у материи?“ По Вольтеру, душа — это некое условное понятие, применяемое для того, чтобы обозначить свойства живой, мыслящей материи, а [бессмертие](#) души — выдумка церковников. „Если я действительно бессмертен, то я должен сохранить свои чувства, память, все свои способности; откройте могилы, соберите кости, и вы не найдёте ничего, что могло бы дать вам какой-либо признак подобной надежды...“ Вольтер близко подошёл к материализму, определяя сознание как свойство материи, но не созрел для идеи единства материи и движения. Он признал вечность и самостоятельность материи, но не принял принципа развития природы от низшего к высшему, от неорганизованной природы к человеку. Не сумев предложить какой-либо иной концепции, Вольтер пришёл к принятию идеи бога.

О Боге

Бог Вольтера — это не христианский [б-г](#), а некое Верховное существо, создатель Вселенной, наведший порядок в первозданном хаосе и давший первый толчок. Устроил он мир — и больше ни во что [не вмешивается](#). Сие есть чистой воды [деизм](#).

Доказательствами бытия божия Вольтер считал красоту наблюдаемого мира, действие механических и геометрических законов, управляющих Вселенной, наличие бесконечных форм и целей, к которым направлены творения. К этому он прибавил ещё один аргумент: „Вера в существо бога необходима для общего блага“. Мол, надо лишь заботиться о том, чтобы вера не превращалась в суеверие и не доходила до религиозных преследований. Идея бога нужна обществу, считающему частную собственность

неприкосновенной. Надежда на бога, который укрепляет и поддерживает социальную дисциплину общества, звучит в словах Вольтера: „Я хочу, чтобы мой поставщик, мой портной, мои слуги, моя жена верили в бога; я думаю, что тогда меня реже будут обворовывать и [наставлять мне рога](#)“. Во имя этих охранительных общественных функций божества Вольтер поставил в Ферне церковь со знаменитой надписью на фронтоне: „Deo egressit Voltaire“.

В годы революции деистические аргументы Вольтера использовали якобинцы. Робеспьер, говоря в Конвенте о культе Верховного существа, повторил слова Вольтера: „Если бы бога не было, его следовало бы выдумать“. Вольтеровы доказательства бытия бога — всего лишь логические допущения, вероятностные предположения. [Карл Маркс](#) заметил, что деизм для Вольтера был удобной и мягкой формой избавления от религии. Действительно, если бог-творец Вселенной создал мир и устранился от дел, значит, оные совершаются без вмешательства божественной воли. Этот естественный вывод наносил удар официальной религии.

О религии

«Вот здесь, на этой полке, у меня, стоит Библия. Но я держу её рядом с Вольтером — как яд и противоядие. »

— *Бертран Рассел*

Главным врагом для Вольтера всегда были суеверия и предрассудки религии, которые не только противоречили здравому смыслу и разуму, но и служили оправданием величайших общественных зол. Так, именно церковь освящала своим авторитетом тиранию и крепостничество. Борьба Вольтера с церковью носила постоянный и разнообразный характер. Это была и сатирическая критика основных источников христианского вероучения, и негодующие выпады против преступлений [инквизиции](#), и уничтожающая насмешка над нелепыми обрядами и предписаниями.

Наиболее откровенно антиклерикальной была трагедия „Фанатизм, или Пророк Магомет“. Основатель новой религии выведен в ней ловким мошенником, обманщиком, беспринципным негодяем, жестоким преступником. Чтобы добиться разрешения на спектакль и отвести от себя [НЕНАВИСТЬ](#) церкви, Вольтер послал трагедию [Папе Римскому](#) как „главе истинной религии“. Это дерзко-остроумное посвящение никого не обмануло, кроме [лоховатого](#) зама Б-га на земле. Все понимали, что Вольтер говорит о Магомете и мусульманах, а подразумевает не только [ислам](#), но христианство и всякую религию.

Чуть позже вышла „Орлеанская девственница“, немедля внесённая [Ватиканом](#) в [список запрещённых книг](#) и ставшая бестселлером повсюду, от Англии до России. Поэма злостно троллит святош и феодалов — св. [Жанна д'Арк](#) показана находчивой и боевитой девицей из народа, которая лихо лупит англичан и отшивает церковников-домогателей. К сожалению, как и положено юмору многовековой давности, все годные скетчи из поэмы столько раз переделывались/пересказывались/воровались разными последующими [петросьянами](#), что нынче воспринимаются как анекдот про [холодильник](#).

Ещё одним выпадом Вольтера против церкви и религии был вышедший в 1764 году „Философский словарь“, являвшийся результатом многолетней работы, направленной против всех оттенков нетерпимости. Не случайно даже враждебные друг другу вероучения встретили эту книгу одинаково непримиримо. В католическом Париже палач подверг „Философский словарь“ бичеванию и бросил в огонь. Так же поступили и кальвинистские святоши в Женеве.

Вольтер постоянно напоминал о преступлениях, совершённых христианской церковью. На протяжении всей её истории не проходило и дня без кровавых жертв во имя Христа. „Христианская религия стоила человечеству более 17 миллионов жизней, то есть по миллиону жизней в столетие“.

В 1760-х годах во Франции усилилась католическая реакция. В это время борьба Вольтера с феодализмом и католической церковью достигла наивысшего напряжения. Именно тогда в его письмах появилось знаменитое „раздавите гадину!“. Под „гадиной“ Вольтер подразумевал воинственную нетерпимость и фанатизм христианства.

О свободе воли

«Его спросили, строго следуя судебной процедуре, что он предпочитает: быть ли прогнанным сквозь строй тридцать шесть раз или получить сразу двенадцать свинцовых пуль в лоб. Как он ни уверял, что его воля свободна и что он не желает ни того ни другого, — пришлось сделать выбор. Он решился, в силу божьего дара, который называется свободой, пройти тридцать шесть раз сквозь строй; вытерпел две прогулки. Полк состоял из двух тысяч солдат, что составило для него четыре тысячи палочных ударов, которые от шеи до ног обнажили его мышцы и нервы. Когда хотели приступить к третьему прогону, Кандид, обессилив, попросил, чтобы уж лучше ему раздробили голову; он добился этого снисхождения. Ему завязали глаза, его поставили на колени. В это время мимо проезжал болгарский король; он спросил, в чём вина осуждённого на смерть; так как этот король был великий гений, он понял из всего доложенного ему о Кандиде, что это молодой метафизик, несведущий в делах света, и даровал ему жизнь, проявив милосердие, которое будет прославляемо во всех газетах до скончания века. »

'Вольтер— . Кандид, или Оптимизм

Человек не может быть полностью свободным в своих действиях. Желания и поступки человека ограничены общими законами природы, которым он подчиняется. „Было бы весьма странно, чтобы вся природа, все светила подчинялись вечным законам, а существовало бы небольшое животное, высотой в пять футов, которое, в пренебрежении к этим законам, могло бы действовать, как ему заблагорассудится, по своей прихоти“. Посему слово „случайно“ выдуманно для выражения того, причины чего нам неизвестны.

Об оптимизме

Лиссабонское землетрясение

«О вы, чей разум лжёт: „Всё благо в жизни сей“,

Спешите созерцать ужасные руины, Обломки, горький прах, виденья
злой кончины, Истерзанных детей и женщин без числа, Разбитым
мрамором сражённы тела; Сто тысяч бледных жертв, землёй своей
распятых, Что спят, погребены в лачугах и палатах, Иль, кровью
исходя, бессильные вздохнуть, Средь мук, средь ужаса кончают
скорбный путь. Под еле внятный стон их голосов дрожащих, Пред
страшным зрелищем останков их чадающих Посмеете ль сказать: так
повелел закон, — Ему сам бог, благой и вольный, подчинён? Посмеете
ль сказать, скорбя о жертвах сами: Бог отомщён, их смерть
предрешена грехами? Детей, грудных детей в чём грех и в чём вина,
Коль на груди родной им гибель суждена? Злосчастный Лиссабон
преступней был ужели, Чем Лондон и Париж, что в негах закоснели?
Но Лиссабона нет, — и веселимся мы.

»

'Вольтер— . Поэма о гибели Лиссабона, или проверка аксиомы «Всё благо»

Религия признаёт существование всеблагого, справедливого бога, а между тем в мире много зла. Чтобы как-то объяснить это противоречие, философы-идеалисты придумали теорию так называемой „предустановленной гармонии“, или „оптимизма“. Они утверждали: всё, что совершается в мире, — хорошо и в конечном итоге приводит к общему благу. Зло в мире отсутствует вообще, есть отдельные бедствия, приводящие в итоге к общему благу.

Так думали до 1 ноября 1755 года. В этот день произошло катастрофическое Лиссабонское землетрясение, сопровождавшееся цунами. Толчки ощущались по всей Европе вплоть до Финляндии. За несколько минут большой, цветущий город превратился в груды развалин, десятки тысяч людей погибли. Эта бессмысленная гибель тысяч мужчин, женщин, детей, многие из которых погибли прямо в церквях, поскольку это был католический День всех святых, явилась убедительным доводом против безмятежной концепции „оптимизма“ и сыграла решающую роль в становлении взглядов Вольтера. Свои мысли он изложил в трогательной „Поэме о гибели Лиссабона“, а концепцию „всё к прекрасному в этом лучшем из миров“ и её главного идеолога [Лейбница](#) потроллил в своём, пожалуй, лучшем произведении — повести „Кандид, или Оптимизм“.

О морали

Вопросы морали Вольтер рассматривал не сами по себе, а с точки зрения их отношения к человеку. Не существует абсолютного добра или абсолютного зла, как нет абсолютных понятий сладкого или горького. Добродетельно только то, что полезно обществу и людям. Церковные добродетели не приносят обществу никакой пользы.

Что мне до того, что ты воздержан? Это лишь исполняемое тобой предписание относительно здоровья; ты будешь вследствие этого чувствовать себя лучше, с чем тебя и поздравляю. Ты питаешь веру и надежду, с чем тебя поздравляю ещё больше,— они добудут для тебя вечную жизнь. Твои богословские добродетели — небесные дары, но они не добродетели по отношению к твоему ближнему.

Возникает вопрос: если в мире нет абсолютного добра и зла, если [всё в мире относительно](#), то не найдётся ли человек, который, усвоив это, начнёт безнаказанно предаваться своим порокам и вредить обществу? Такого человека, отвечает Вольтер, повесят, и ему ничто не поможет, „даже если он обладает стотысячной армией“^[2].

Конечный моральный принцип, к которому приходит Вольтер, сводится к следующему: не делай вреда ближним и обществу, в котором ты живёшь, поступай с другими так, как ты хотел бы, чтобы поступали с тобой. Эта мораль совпадала с требованиями разума и цивилизации. Эта „естественная религия“, как называл её Вольтер, выше всех так называемых положительных религий — плодов невежества или прямого шарлатанства.

О республике

Свои мысли о республике Вольтер изложил в сочинении „Республиканские идеи“. Власть в республике

должна осуществляться одним лицом или многими, но всегда в силу законов, созданных всеми. Такое правительство должно быть терпимым и максимально приближённым к естественному равенству. В идеальной республике граждане свободны и равны перед законом. Гарантией этой свободы прежде всего является свобода личности. Она сводится к отсутствию произвола, подобного тогдашнему французскому, действие которого Вольтер испытал на своей шкуре. В республике также должна быть гарантирована свобода мысли, мнения, вытекающая из свободы слова и печати. Последней Вольтер придавал особое значение. Народ, говорил он, который не может выражать свои мысли, не свободен. „Сжечь книгу — это значит признаться, что мы не имеем ума ответить на неё“. Если книга признана опасной, её следует опровергнуть. Необходима полная свобода религиозных убеждений, религиозная терпимость, то есть свобод, совести. Наконец, необходимо равенство граждан перед законом.

Все эти мысли прозвучат в законодательных актах Учредительного собрания, в частности, в Декларации прав человека и гражданина.

Восхищаясь всеобщим равенством в просвещённой республике, Вольтер имел в виду юридическое равенство перед законом. Он не помышлял о равенстве социальном и считал его утопией. По его мнению равенство — самая естественная и одновременно самая химерическая вещь. „Невозможно на нашей несчастной земле общество, где люди не были бы разделены на два класса: один — богатых, которые управляют, другой — бедных, подчинённых“. Все крестьяне не будут никогда — и не могут быть — богаты. Да этого и не надо. Нужны люди, у которых ничего бы не было, кроме их рук и доброй воли. Но люди без собственности могут стать опорой фанатизма и тирании. Чтоб этого не произошло, народные низы должны быть в социальном отношении подчинены имущей верхушке третьего сословия, достаточно просвещённой для того, чтобы не внушать народу предрассудки и варварские суеверия. Вольтер сомневался, что простой народ получит когда-нибудь способность к образованию. Он считал, что просвещать надо не **чернорабочего**, а доброго **буржуа, жителя городов**.

Разное о Вольтере

Вольтер и Пирон

Самым достойным противником Вольтера был поэт и драматург Алексис Пирон, который, казалось, был специально создан природой для того, чтобы затмить Вольтера. Среди **небыдла** даже проводилась вялая **специальная олимпиада** на тему: „Кто более остроумен, Вольтер или Пирон“. Ещё в молодости Пирон прославился в качестве автора скандальной „Оды Приапу“, **чуть более, чем** полностью посвящённой теме **половой ебли**; именно под влиянием сей оды позже появился меметичный **Лука Мудищев**. За этот высер Пирона изгнали из коллегии адвокатов. Даже спустя много лет, когда уже известный Пирон попытался стать членом Французской академии, его кандидатура была лично **забанена** Людовиком XV, которому Католическая церковь напомнила о „позорном сочинении“.

О Вольтере и Пироне сохранилось несколько анекдотов:

- Вольтер и Пирон однажды поспорили, кто из них искуснее в лаконизме, и решили для состязания написать друг другу письма, которые должны были состоять хотя бы из одной только фразы, но совершенно законченной и осмысленной. Бой был открыт Вольтером, который прислал Пирону записку, содержащую два кратчайших латинских слова: «Ео гис». Ответ Пирона не замедлил последовать, он состоял всего лишь из одной буквы. Но буква эта по-латыни значит — «иди, поезжай». В данном случае эта буква представляла собой вполне законченный и осмысленный ответ на письмо Вольтера.

•

Однажды Вольтер, приветствуя Пирона, сказал ему:

— А, здравствуйте, сердце моё! — Я вам, кажется, ничего худого не сделал, — сухо отвечал Пирон, — за что же вы меня поносите?!

- Однажды Пирон увидел в окно, что Вольтер входит в подъезд его дома, решил принять дорогого гостя по возможности любезно и ждал только звонка, чтобы отворить дверь. Но звонок не раздался, а вместо того послышалось какое-то царапанье, словно бы кто писал на двери. Переждав некоторое время, Пирон отворил дверь и на её наружной стороне увидел написанные мелом слова **весьма неприличного свойства**. **Оскорблённый**, он решил отомстить. Он сам в парадной одежде явился к Вольтеру как бы с визитом, и когда тот выразил некоторое изумление по поводу его посещения, Пирон изрёк: «В моём посещении нет ничего удивительного: я у себя на двери нашел вашу визитную карточку и поспешил отдать вам визит».

•

Однажды на спектакле Вольтер расположился в ложе с прекрасными дамами, а Пирон оказался в партере и, конечно, чувствовал себя неудобно.

Жирный тролль
Алексис Пирон
(1689—1773)

— Пирон, как дела? — окликнул его Вольтер, но тот не отозвался. Через несколько дней в том же театре в партере оказался Вольтер, а Пирон — в ложе. И Пирон решил, что пора ответить на вопрос приятеля. Он крикнул: — Вольтер, прекрасно!

- Когда состоялась премьера очередной комедии Вольтера, Пирон отозвался резкой критикой в одном из журналов. Вольтер же, нисколько не смущаясь, тем более что публика валила валом на все последующие представления комедии, предпринял отдельное, роскошное издание её текста в виде книги, на обложке которой по желанию комедиографа был изображён осёл, усердно щиплющий лавровый венок. Это был толстый намёк на литературного противника. Однако, Пирон сменил гнев на милость и поместил в следующем номере того же журнала более благосклонный отзыв. Свою статью он заключил словами: «Уважаемую публику призываю обратить внимание на недавно вышедшую книгу г-на Вольтера, на обложке которой помещён портрет автора». Вольтер спешно кинулся скупать все экземпляры, имевшиеся в парижских лавках.

На репетиции пьесы Вольтера «Семирамида» Пирон заявил, что в день премьеры пьесы зрители её освищут. Но пророчество не сбылось, больше того, пьеса зрителям даже понравилась. Довольный Вольтер не без гордости заметил:

— Ну вот, а вы говорили: освищут! — Кому же свистеть было, коли все зевали? — ответил Пирон.

Узнав о смерти Пирона, Вольтер сказал: «Я никогда, по сути дела, его хорошо не знал. Друзья часто говорили мне, что в своей пьесе „Метромания“ Пирон высмеивал меня. Я никогда не платил ему тем же. Может, всё же стоило? Вы себе и представить не можете, каким злым я могу быть. Но только если я этого захочу. Однако тогда мне было не до него, у меня было слишком много важных дел. Пирон провёл всю свою жизнь, наслаждаясь вином и создавая „умные“ поэтические произведения вроде „Оды Приапу“ и прочей дребедени. На самом деле какая пустая трата таланта! Ни одного достойного занятия, о котором можно вспомнить, умирая».

Гёте, изучавший истоки литературной вражды между Вольтером и Пироном, сказал: «Пирон в любой момент был Вольтером. И только Вольтер был и останется Вольтером на все времена».

В старости Пирон, вероятно, осознал, что Вольтер выиграл все их стычки. Пирон оставил серию эпитафий о себе и везде с горечью говорил о том, что был «ничем»:

Здесь покоится Пирон — никто и не поверит,

Всю жизнь свою он был никем, и не академик. Весьма, весьма печально...

Вольтер и евреи

«Есть ветренный народ, тупой, непросвещённый,

Священных вымыслов приверженец пустой, Родившийся в ярме, от века покорённый, Народом всем чужой, гонимый их семьёй.

»

'Вольтер— . За и против (Послание к Урании)

Поскольку в своих нападках на христианские клерикальные институты Вольтер сосредоточил основной удар на Ветхом завете, осмеивая его, то вместе с христианами под раздачу попали и несчастные сыны Израиля. Вольтер обожал напускаться на евреев, постоянно называя их «этим ничтожным маленьким племенем» или «этим невежественным, мерзким народом». Его умозаключения вызывали возмущение даже у некоторых христиан, обвинявших «фернейского патриарха» в слишком свободной интерпретации иудейской истории. К тому же христиане прекрасно понимали, что нападки на евреев — это лишь хитроумное, завуалированное нападение на христиан.

Из 118 статей «Философского словаря» Вольтера 30 касались евреев. Он писал:

Евреи никогда не были физиками, геометрами или астрономами. У них не только никогда не было общественных школ для воспитания молодёжи, но даже термина, обозначающего такое учреждение, нет в их языке.

Евреи — это абсолютно невежественная нация, которая в течение долгих лет соединяла презренную скаредность и отвратительные предрассудки с неистовой ненавистью со стороны всех наций, которые были вынуждены их терпеть... И хотя евреи — самый гнусный народ в мире, всё же не стоит их сжигать на костре.

Не забыл Вольтер и «кровавый навет»:

Вся разница состоит в том, что наши священники сжигали вас руками мирян, в то время как ваши священники совершали человеческие жертвоприношения своими собственными руками.

Но всё уж лучше евреи, чем турки.

Евреи, не упрекайте меня в том, что я не люблю вас! Напротив, я люблю вас и сильно желаю, чтобы вы все снова оказались в Иерусалиме. Уж лучше вы, чем омерзительные турки, которые оскверняют край, который когда-то принадлежал вам. Своими собственными руками вы обрабатываете там землю до самых вершин безжизненных гор. У вас никогда не будет в достатке зерна, но зато будут восхитительные вина! На ваших не очень-то обширных землях растут пальмы и оливковые деревья.

Прямо появление государства [Израиль](#) предсказал!

Значимость™

«Ах, окаянный вольтерьянец! »

'А. С. Грибоедов— . *Горе от ума*

Карикатура на
Вольтера

«Но пусть г. Вольтер соблаговолит писать для нас трагедии по образцу «Смерти Цезаря», или первого действия «Брута» — и; уж если нам во что бы то ни стало нужен театр, пусть обяжется всегда питать его своим гением и жить столько же, сколько проживут его пьесы. »

'Жан-Жак Руссо— . *Письмо д'Аламберу о зрелищах*

Век восемнадцатый можно по праву назвать «веком Вольтера». Все великие европейские правители гордились перепиской и дружбой с поэтом. Он был общепринятым вождём французского Просвещения, главой тех мыслителей, подготовивших умы к Великой Французской революции, в годы которой Вольтера признали одним из её «отцов», перенесли его прах в Парижский Пантеон и реализуют на практике его идеи.

Вклад Вольтера в литературу включал в себя философские трактаты, исторические исследования, трагедии, комедии, стихи, поэмы, литературоведческие комментарии, памфлеты и повести, эссе и диалоги, [тысячи](#) писем. Все его произведения звучали как призыв к борьбе с абсолютизмом, феодализмом и клерикализмом, не говоря уже о том, что Вольтер прославил французский язык. Его полное собрание сочинений, изданное [Бомарше](#), составило 70 томов.

Само имя Вольтера стало нарицательным, «вольтерьянство» превратилось в синоним религиозного и политического вольнодумства и свободомыслия.

А вот с сочинениями вышла оказия. Трагедии (которые он считал наиболее тру) были успешно забыты уже к началу XX века: Вольтер [фатально не умел](#) делать интересные характеры и повороты сюжета. Философские сочинения получались у него лучше, но нынче ходят в основном в качестве цитат.

Более-менее переиздаются и читаются без зевоты в основном его «Философские повести». Обычно это просто примеры того, как хитро устроена жизнь, разросшиеся до полноценной истории («Микромегас», «Задиг, или Судьба»), но могут дозволюционировать как до полноценных пародийно-стёбных опусов («Белый бык», «Царевна Вавилонская»), так и до серьёзных трагичных романов («Кандид», «Простодушный»).

Алсо

В честь Вольтера названы [бульвар](#) и [станция метро](#) в Париже, [кратер на Деймосе](#), [астероид 5676](#), [броненосец](#). А чего добился ты?

А ещё есть [такой](#) славный пендосский музыкант, пейсатель и рисователь комиксов, с переменным успехом пытающийся троллить текстами в стиле сабжа.

Броненосец «Вольтер»

См. также

- [Философия](#)
- [Великая французская революция](#)
- [Бомарше](#)
- [Дидро](#)
- [Екатерина II](#)
- [Жан-Жак Руссо](#)
- [Маркиз де Сад](#)
- [РПЦ/Борьба с инакомыслием](#)

Ссылки

- [И. М. Каренин. Вольтер. Его жизнь и литературная деятельность](#)
- [Гай Эндор. Любовь и ненависть](#) — весьма годный исторический роман с Вольтером и Руссо в качестве главных персонажей.

Примечания

- ↑ Намёк на Бастилию
- ↑ Намёк на Фридриха II Прусского и развязанную им Семилетнюю войну

Политика

14/88 282 статья Alt-Right Black Lives Matter Brexit FEMEN Make Anime Real Po
REMOVE KEBAB SJW Vnovodvorskaya Who are you to fucking lecture me? ZOG
A Better Amercia with Mitt Авангард красной молодёжи Азаров Активная гражданская позиция
Александр II Александр Солженицын Алексей Журавлёв Алексей Митрофанов
Алексей Михайлович Алкснис Альбац Альберт Гор Аляска Анархист Анатолий Чубайс
Англичанка гадит Андрей Колесников Антиглобализм Антифа Арабская весна Арбатова
Ари.ру Бабка по вызову Бадд Дуайер Бальдур фон Ширах Банановая республика
Бандеровец Барак Обама Батька Махно Бацька Березовский Бокасса Бомарше
Борис Немцов Борис Соколов Ботинкометание Брежнев Бронзовый солдат Буржуй
Валерий Zubov Валерий Назаров Ван дер Люббе Ватник Вежливые люди Векослав Лубурич
Взрывы в метро Виктор Колесников Виталий Милонов Вителлий Вольтер Вражеские голоса
Вы просто ненавидите всё русское Выборы Вячеслав Мальцев Гай Марий Галковский
Гармодий и Аристокитон Геббельс Гей-оргиевцы Гелиогабал Генеральная линия партии
Геннадий Кернес Герман Геринг Гитлер Глобус Украины Горжусь Россией! Госдеп
Госдума Граждане СССР Гражданин поэт Гражданская война в Сирии Грудинин
Двойники Путина Дело Дрейфуса Демократизатор Демократия День миномета Децимация
Джон Кеннеди Джордж Буш Дидро Дмитрий Киселёв До чего Сталин страну довёл
Доброволец Дональд Трамп Донецк Дотянулся проклятый Сталин

Графоман

Dsa69 Аверченко Айн Рэнд Акунин Александр Никонов Александр Солженицын
Аллен Карр Арбатова Аркадий Давидович Асов Багиров Белобров-Попов
Беркем аль Атоми Болашенко Бомарше Борис Соколов Бригадир Бродский Рей Брэдбери
Михаил Булгаков Бушков Вадим Чернобров Вася Ложкин Веллер Владимир Высоцкий
Владимир Сорокин Вольтер Галковский Гарри Гаррисон Глуховский Лавкрафт
Голубицкий Григорий Горин Гриценко Гришковец Даниил Хармс Денис Черевичник

Дивов Дидро Дмитрий Горчев Довлатов Донцова Достоевский Евгений Понасенков
 Евгений Шестаков Еськов Жан-Жак Руссо Женя Духовникова Иван Охлобыстин
 Игорь Губерман Илья Кормильцев Илья Масодов Илья Эренбург Истархов Карел Чапек
 Карлос Кастанеда Кафка Кен Кизи Стивен Кинг Клайв Баркер Климов Кобра киллер
 Константин Крылов Ольга Корженёва Козльо Крапивинский мальчик Купцов Лавей
 Латынина Леонид Каганов Лесь Подервянский Ежи Лец Ли Вонг Ян Линор Горалик
 Льюис Кэрролл Макс Фрай Максим Калашников Маркиз де Сад Махмуд Отар-Мухтаров
 Маяковский Минаев Михаил Жванецкий Набоков Начинаящий писатель Невзоров
 Юрий Никитин Нострадамус Олдос Хаксли Олег Т. Омар Хайям Пейсатель Пелевин
 Переслегин Пернилла Стальфельт Ник Перумов Петр Мамонов Петрарка Эдгар Аллан По
 Протопопов Проханов

История

1917 28 героев-панфиловцев 3,62 We Wuz Kangz Авария в Уиндскейле Аверченко
 Александр II Александр Македонский Александр Невский Александр Суворов
 Алексей Михайлович Англо-бурская война АПЛ «Курск» Арабо-израильские войны
 Арктические конвои Афганская война Бальдур фон Ширах Бандеровец Барак Обама
 Батя Махно Белоруссия/История Берия Берлинская стена Бессмысленный и беспощадный
 Блез Паскаль Блокада Ленинграда Бокасса Бомарше Бомбардировка Дрездена
 Борис Соколов Братание Брежнев Бросок на Приштину Бушков Вавилон Ван дер Люббе
 Вежливые люди Векослав Лубурич Великая Отечественная война
 Великая французская революция Ветеран Куликовской битвы Ветхозаветные мемы Викинги
 Вителлий Власовцы Военная операция в Сирии Война в Южной Осетии Вольтер
 Восемидесятые Вьетнамская война Гай Марий Галльское нашествие на Рим
 Гармодий и Аристокитон ГДР Геббельс Гелиогабал Генерал Мороз Геноцид армян
 Геноцид в Руанде Герман Геринг Гетто Гитлер Гладиаторы Говно мамонта Голодомор
 Госдеп Гражданская война в России Гражданская война в США Дальневосточная республика
 Деяностые Декарт Дело Дрейфуса Десятые Децимация Джон Кеннеди Джордж Буш
 Дидро Дикий Запад Динозавры Долбославие Дональд Трамп Дракула
 Древнерусские мемы Древний Египет Древний Рим Древняя Греция Евгений Понасенков
 Египетские пирамиды Ежов Екатерина II Ельцин Жан-Жак Руссо Жанна д'Арк
 Железный занавес Жуков Загнивающий капитализм Заговор генералов Заговор Катилены
 Закручивать гайки Зоя Космодемьянская

Франция

Renault Logan Блез Паскаль Бомарше Бутик Великая теорема Ферма
 Великая французская революция Вольтер Вьетнамская война Галльское нашествие на Рим
 Декарт Дело Дрейфуса Дидро Д'Артаньян и три мушкетёра Жан-Жак Руссо Жанна д'Арк
 Же не манж па сис жур Зидан Извините мой французский Иностраннный легион
 Красная Шапочка Крестовые походы Крымская война Маркиз де Сад Марсельское убийство
 Маянезик Мерлезонский балет Месье знает толк в извращениях Минет Мистраль
 Мясо по-французски Наполеон Николя Саркози Нострадамус Отечественная война 1812 года
 Палата мер и весов Паркур Первая мировая война Постмодернизм Призрак Оперы
 Россия в 1839 году Серж Гензбур Синдром Туретта Синдром французского борделя
 Статуя Свободы Съешь ещё этих мягких французских булок Франция Шевалье д'Эон